

ВИКТОР БОРИСОВ
ПИСЬМО

Виктор Борисов

Письмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68610389

SelfPub; 2023

Аннотация

В центре повествования рассказа Письмо – трагедии обыкновенных людей. Местечковые в масштабах человечества и глобальные в масштабе человека. Автор предлагает читателю прожить события одного дня вместе с его героями, разделить их чувства, мысли и эмоции. Поставить собственные вопросы и попытаться на них ответить.

Виктор Борисов

Письмо

Я сидел на скамейке в парке и держал письмо в руке.

«Хорошо бы его перечитать, прежде чем отправлять», — подумал я.

Время шло, а я всё не приступал к чтению. Мысли крутились у меня в голове не давая сосредоточиться. Известно, что эмоциональное состояние влияет на восприятие текста, и мне хотелось понять, через призму каких эмоций я буду очередной раз перечитывать письмо.

Я заключил, что чувствую комбинацию из умиротворения от нахождения среди пускай городской, но природы и нарастающей тревоги за будущее. Удовлетворившись этим осознанием, я развернул письмо.

Всё те же знакомые неровные строчки бежали по листу. Текст я знал наизусть, и каждое предложение мне представлялось выверенным, точно передающим мои чувства и мысли. Не найдя, что можно было бы поменять, я свернул письмо и огляделся вокруг.

Редкие прохожие прогуливались по центральной аллее парка, в отдалении машинами шумел город. Это был тот период года, когда что-то теплое, с детства ассоциирующееся с беззаботным, заканчивалось. Начиналось что-то новое, по-своему интересное, но тревожное, и, очевидным образом, не

столь ласковое.

Дул едва заметный прохладный ветерок, по небу неспешно ползли облака, изредка давая просвет теплым солнечным лучам. Казалось, сама природа еще не определилась с тем, закончилось ли лето, и наступила ли уже осень.

Моё внимание привлёк пожилой человек, с заметным шарканьем идущий в моём направлении. Вид он имел довольно необычный и обращал на себя внимание. На нём был старенький пиджак, брюки и старомодная широкополая шляпа. Он медленно шел по парку, хромя на правую ногу, ступня которой была вывернута перпендикулярно во внешнюю сторону. Перед собой он толкал тележку на подобии тех из супермаркетов, с низко расположенной корзиной и высокой ручкой. Двигался он так медленно, а движение ему давалось столь нелегко, что создавалось впечатление, что это прогулка для него является актом преодоления, требующим как физических, так и волевых усилий, а отнюдь не способом отдохнуть и приятно провести время.

Мой взгляд задержался на его клади. В тележке лежала бутылка воды, что-то из одежды, какой-то вытянутый изогнутый предмет наподобие хомута и еще немного более мелких предметов на дне.

Старательно подтаскивая вывернутую ногу, которая и являлась источником шума, он медленно прошел мимо и остановился. Постояв с минуту и немного переведя дух, он мель-

ком взглянул на меня и продолжил свой путь. Долго шурша по дороге, он, наконец, достиг соседней скамейки метрах в двадцати и сел в пол-оборота ко мне спиной.

Что-то томяще-грустное было в облике этого старика. Возбуждение быстро нарисовало мне соответствующий образ и одна за другой потянулись мысли об одиночестве, об осени, о коротком веке человека, о его хрупкости и ранимости, о беззащитной уязвимости перед жизнью.

Что помогает человеку выстоять и продолжать жить, не отступить и не сломаться под тяжестью обстоятельств, перед лицом одиночества, перед старостью, в конце концов? Предоставляется ли человеку вообще выбор сломаться или нет? Ведь если он, что называется, ломается, впадает в отчаяние, опускается, жизнь от этого не останавливается, проблемы не рассеиваются, а старость не передумывает приходиться к нему. Человек продолжает жить, в этой подчас невыносимой душевной или физической боли. В продолжении жизни есть определенная сила. Идя по этому пути человек не выбирает очевидную альтернативу её прекращения. Таким образом, продолжение жизни – это выбор.

Если же человек взвесив обстоятельства, пришел к выводу, что продолжение жизни является менее предпочтительным, нежели её прекращение, то можно ли это отнести к слабости? Не является ли это правом сильного духом человека?

Пока я отвлекся на эти рассуждения, начался дождь. Мне и до этого казалось, что я изредка ощущал падение еле за-

метных капель, теперь же со всей очевидностью начинался настоящий дождь.

У меня с собой предусмотрительно был прогулочный зонт, но я не спешил его открывать: мне всегда нравилось начало дождя, первые легкие капли, свежесть которую они несут с собой. Часто этим всё и ограничивается, поэтому я всегда удивлялся тем людям, которые при первых же каплях мгновенно скрываются под зонтом.

Я взглянул на старика – он неподвижно сидел на скамейке. Очевидно, что зонта у него не было и мне подумалось, что в этом даже есть некоторая несправедливость: ограниченный в движении, в случае сильного дождя, он не сможет быстро найти укрытие и неминуемо вымокнет до нитки. Я же не только имел при себе зонт, но и всегда мог нырнуть в ближайшее кафе и переждать непогоду. На горизонте замаячила сложная тема справедливости, размышления о которой неминуемо завели бы меня в дебри и потребовали времени, которого у меня не было.

Дождь заметно усилился, а небо потихоньку начало затягиваться темными тучами. Всё это грозило перейти в полноценный ливень. Я убрал письмо во внутренний карман пиджака и еще раз взглянул на старика. Он наклонился к корзине и что-то искал на дне. Покопавшись, он достал пачку сигарет и закурил, прикрывая сигарету от дождя в кулаке. Я видел как капли ударяли по его шляпе, разбиваясь на мелкие брызги и разлетались во все стороны. Вода стекала по

одному из полей шляпы и падала вниз небольшим ручейком. Клубы табачного дыма на фоне силуэта человека в костюме под сильным дождем создавали художественно сильную картину, рождающую множество смыслов. Мне подумалось, что если бы была возможность запечатлеть этот образ на фотографии или холсте, то это непременно бы нашло себе место на стене в моем кабинете.

“Необычное решение закурить и остаться сидеть при таком дожде, – подумал я. Мне это не казалось очевидным, таким, каким было бы, например, попытаться накрыться чем-то или найти укрытие. Хотя, похоже, вариантов у него не было: укрыться ему было нечем, а с такой скоростью передвижения не было шансов быстро найти укрытие.

Над его скамейкой нависала ветвь близстоящего дерева, но ее листва была настолько скудной, что едва ли была способна обеспечить какую-либо защиту от дождя.

Я открыл зонт. К характерному шороху падающего на землю дождя добавился треск ударов капель по зонту.

«А это действительно необычно продолжать неподвижно сидеть на скамейке во время сильного дождя и никуда не спешить. Я так никогда раньше не делал и если бы не старик, то точно бы и не довелось.

Редкие люди быстрым шагом проходили мимо.

Время до закрытия почты оставалось не так много, и мне пора было идти. Я решил пройти мимо старика и предложить довести его до какого-нибудь укрытия. Я встал со ска-

мейки и направился к нему.

– Доброго дня, – поприветствовал я его.

– Сильный дождь. Если хотите, я могу вас проводить до ближайшего навеса.

Он взглянул на меня каким-то уставшим и несколько отсутствующим взглядом.

– Спасибо, не надо.

– Дождь усиливается и, похоже, это надолго, – добавил я.

Дождь – это ерунда, сынок, – сказал старик. – Ступай.

– Хорошо, как скажете, – ответил я и, не найдя что добавить, двинулся дальше вдоль аллеи, обходя, уже начинающие образовываться, лужи.

Я дошел до выхода из парка и оглянулся. Старик все еще сидел на том же месте в глубине аллеи. «Должно быть уже полностью промок», – подумал я. И всё же что может заставить человека сидеть без движения и мокнуть под дождем? Определенно какой-то странный тип.

Я вбежал в почтовое отделение. Народу практически не было. Купил конверт с марками и направился к выходу. В помещение стояла духота, а после быстрой ходьбы, она показалась просто невыносимой. Я вышел на улицу.

Дождь стучал по небольшому козырьку над входом. Я достал письмо с намерением перечитать его еще раз. Капли дождя в некоторых местах размыли чернила, но все слова были читаемы. Я медленно прочитал письмо в последний раз. Пожалуй, лучше я не смогу написать. Немного постояв пе-

ред почтовым ящиком, я согнул лист бумаги, запечатал его в конверт и бросил в ящик. Письмо упало на дно с едва различимым бумажным шелестом, а у меня с плеч свалилась гора. Абсолютно бесшумно.

Вернуться домой я решил тем же путем что и пришел. По какой-то причине старик не выходил у меня из головы. Пока я был на почте, ко мне пришла мысль, не бог весть какая, но которая не приходила ко мне во время общения со стариком: нужно было предложить вызвать ему такси и настоять, если он начнет возражать. Шансы, конечно, были невелики, но я все же решил попробовать поговорить с ним еще раз.

Я перешел улицу и оказался перед аркой центрального входа в парк, в самом начале аллеи, на которой ранее встретил старика. Я взглянул вдаль, пытаюсь разглядеть там ли он. Вдалеке толпились какие-то люди, но старика не было видно. Наверное, ушел уже куда-то за это время. В любом случае я решил подойти поближе.

Я опустил зонт по направлению своего движения, защищаясь от встречного ветра и дождя. Смотря себе под ноги, я старательно обходил уже приличного к тому моменту размера лужи.

Наконец я дошел до места, где в последний раз видел старика. Вокруг были люди, стоял гул голосов. Я поднял зонт и замер в оцепенении: прямо передо мной, чуть возвышаясь над зонтами, висело тело человека. Я, конечно же, мгновенно узнал и костюм и широкополую шляпу. Старик висел на

ветке дерева за спинкой скамейки, с которой он, очевидно, и сделал свой последний шаг. Его голова была наклонена в сторону, бледное лицо замерло в мученической гримасе, глаза закатились, веки были приоткрыты. Его одежда полностью промокла, полы шляпы обвисли по краям, и с них активно стекала вода.

Тележка стояла на скамейке. Очевидно, он придерживался за ее ручку когда забирался на спинку. Ветка согнулась под тяжестью его тела, но не сломалась. Ботинки висели всего в паре десятков сантиметров над землей. Руки безжизненно свисали вдоль тела, кисти были согнуты в неплотные кулаки.

—

«Вызвали скорую и полицию?» — поинтересовался я у рядом стоявшего мужика.

— да да...

— Вы видели как это произошло?

— Он уже висел, когда я подошел.

Я не стал продолжать попытки выяснить детали произошедшего. Это было лишено всякого смысла.

Мне подумалось, что он не мог все это осуществить быстро: забраться на спинку скамейки, балансируя на ней, перекинуть и зафиксировать веревку. Да и вообще с его ногой это выглядело просто нереальным.

Пока он всё это медленно делал, никто его не остановил или не видел, не заметил, не обратил внимания, а тонкая

ветвь оказалась достаточно прочной и не обломилась под тяжестью его тела.

Казалось, у него было мало шансов осуществить задуманное, но вот он висит передо мной наглядным опровержением.

Послышался приближающийся вой сирен скорой помощи. Я еще раз взглянул на его лицо, – «А не такой уж ты и старый...»

Вернувшись домой, я не мог найти себе место и постоянно мысленно возвращался в событиям сегодняшнего дня. Я чувствовал неописуемо тяжелый душевный гнёт и подавленность. При этом я находил это своё состояние странным и даже не совсем логичным. Сколько смертей мы видим вокруг, читаем в новостях? Казалось, смерть, в особенности незнакомых нам людей, стала чем-то обыденным, привычным и должна была совершенно перестать нас шокировать.

Я заварил чай и сел за письменный стол. За окном уже стемнело, дождь барабанил по отливу окна. Было слышно, как подхватываемые порывом ветра капли дождя хлестко ударялись о стекло. Я очередной раз начал прокручивать события прошедшего дня и вдруг понял: чувство, которое не давало мне покоя, в сущности, было ничем иным как чувством вины. Получалось, что я считал себя виновным, полагал, что мог помочь этому несчастному, но не сделал этого. Но так ли это на самом деле? Я попытался с ним загово-

ритель, предложил старику свою помощь, возможно недостаточно убедительно, недостаточно настойчиво, но и насильно лезть в душу другого человека неправильно, да и бесполезно.

Теперь мне казалось столь очевидным его намерение, столько всего сигнализировало, о том, что человек на грани и что-то задумал: и его реакция на дождь и отсутствующий взгляд в разговоре со мной и стремление к уединению. Я же казался себе трагически невнимательным.

Еще меня занимал вопрос, почему он решил сделать это публично в парке? Почему он не мог тихо свести счеты с жизнью у себя дома? Зачем было пугать прохожих, среди которых могли быть и дети.

Мне подумалось, что одиночество, доведенное до отчаяния, ищет к себе внимания даже после смерти.

Удивительно как быстро информация распространяется в наше время. Прошло совсем немного времени и вот я уже читаю краткую заметку о происшествии в местном интернет издании. Среди прочего в ней говорилось, что при самоубийце, во внутреннем кармане пиджака, было обнаружено письмо с просьбой отправить по указанному адресу его сыну. Отмечалось, что факт самоубийства не вызывает у следственных органов никаких сомнений. Текст письма в заметке не приводился, но сообщалось, что в нём старик просил у сына прощения за нанесенные обиды, за эгоизм и жизнь для себя, признавался, что любит сына всем сердцем, но уже ничего не может изменить, что жизнь перестала иметь для

него всякий смысл.

Мне сделалось безумно грустно, а на глазах выступили слезы. Как же мне были знакомы чувства этого старика, как понятна была та боль, которую он переживал. Мы стояли в метре друг от друга каждый с письмом в кармане. Два человека, один еще полный надежд, второй уже доведенный до отчаяния.

Осознание этого факта еще сильнее надломило меня эмоционально. Я закрыл лицо руками и заплакал.

Казалось, в этот момент мне было жаль весь мир. Жаль этого старика, жаль себя и тысяч других, наверняка хороших, чувствующих и переживающих людей. Людей, которые оказались в результате собственных или чужих ошибок, от своей неопытности или по глупости, нарочно или по случаю, в обстоятельствах, справиться с которыми были не в силах. Мне было жаль людей, проживающих жизни внутри своих трагедий. Страданиям их нет конца. Жаль тех, кто нашел выход лишь в расставании с жизнью, ведь всё могло сложиться по-другому.

Тягостная правда заключается и в том, что во всём этом нет ничего нового. Это уже было прожито миллионами людей, об этом написано множество книг, но всё повторяется заново, раз за разом и от этого нет спасения. Чувства несчастных каждый раз непременно подлинны и остры. Боль ножом проходит через поколения и лезвие её не притупляется.

Я очень жду ответ. Я молю об ответе. Я надеюсь на чудо. Надеюсь на великодушие. Всецело уповаю на письмо, на то, что возымеют действие неровные строки, скачущий подчерк еще живого и некогда близкого человека. Я не хочу думать о том, что ответа не будет. Я не знаю, что я буду делать, если ответа не будет.

За окном блеснула молния, а за ней раздался громкий раскат грома. Порыв ветра открыл одну из створок окна и с силой ударил её о стену. Я потушил настольную лампу и подошел к окну. На улице лил дождь, горели редкие фонари, людей не было видно. Немного постояв, я сделал глубокий вдох прохладного влажного вечернего воздуха и закрыл окно.